

**ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КОНЦЕПЦИИ ТРУДА И ОБРАЗА
РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ 1920–1930-
Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. ПИЛЬНЯКА, Л.
ЛЕОНОВА, В.КАТАЕВА).**

Бахриева Сабина Сабиржановна

преподаватель Самаркандского государственного
педагогического института

Жуманова Гулнора

Студентка

3 курса Самаркандского государственного
педагогического института

Аннотация: *Статья посвящена анализу эволюции художественной концепции труда и образа рабочего человека в русской прозе 1920-1930-х годов на примере произведений Б. Пильняка, Л. Леонова В. Катаева. Показано, что восприятие труда в литературе прошло путь от романтической стихии революции к драматическому испытанию личности и к образу рабочего как символу индустриального подъема. Рассматриваются особенности художественного подхода каждого автора, влияние социально – политических факторов на изображение труда и критические оценки исследователей.*

Ключевые слова: *труд, рабочий человек, индустриализация, советская проза, Пильняк, Леонов, Катаев, романтика революции, трагедия труда, художественная концепция.*

Abstract: *The article analyzes the evolution of the artistic concept of labor and the image of the working person in Russian prose of the 1920–1930s, based on the works of B. Pilnyak, L. Leonov, and V. Kataev. It demonstrates that the perception of labor in literature evolved from the*

romantic chaos of the revolution to the dramatic testing of individual character, and finally to the portrayal of the worker as a symbol of industrial progress. The study examines the unique artistic approaches of each author, the influence of socio-political factors on the depiction of labor, and critical assessments by scholars.

Keywords: *labor, working person, industrialization, Soviet prose, Pilnyak, Leonov, Kataev, revolutionary romanticism, labor tragedy, artistic concept.*

Литература 1920–1930-х годов — одно из самых противоречивых и напряжённых явлений культурной истории XX века. Это время, когда художественное слово пыталось уловить дыхание эпохи, в которой человек и труд были погружены в стремительные, нередко разрушительные процессы исторического переустройства. Понятие труда в этот период перестаёт быть только социально-экономической категорией: оно становится нравственным испытанием, философским вопросом, художественным символом и идеологическим инструментом. Рабочий человек, оказавшийся в центре государственной политики, превращается и в центральную фигуру художественного осмысления новой реальности.

Писатели поколения Пильняка, Леонова и Катаева наблюдали переход от революционного хаоса к индустриальной дисциплине первой пятилетки, и каждый по-своему чувствовал, как меняется сама природа труда. Именно в их произведениях можно проследить, как из хаотического порыва первых послереволюционных лет формируется образ организованного «строителя социализма» — героизированного, но внутренне сложного персонажа. Однако путь к

этой модели был далёк от прямолинейности: он проходил через трагедию, сомнение и внутренние разломы.

Борис Пильняк — наиболее чуткий к стихийной стороне времени. Его художественный мир напоминает вихрь, в котором революция кажется не столько политическим, сколько природным катаклизмом. В «Голом годе» рабочий человек появляется как часть огромной стихии перемен. Пильняк пишет: «Россия металась, как срубленный лес на бурной воде», и в этой метафоре заключён весь масштаб исторического потрясения. Труд здесь не структурирован, не организован — он носит характер усилия выживания. Герой, попавший в поток революции, не столько строит новое, сколько пытается освоиться в мире, где рушатся старые опоры.¹

Критик Л. Геллер отмечал, что в ранней прозе Пильняка труд — это «опыт вхождения человека в космический ритм революции». Действительно, в его произведениях рабочий не имеет строгих социальных очертаний: он растворён в коллективной стихии. Пильняковский рабочий — это человек «ломки», человек энергетического напряжения. Он лишь нащупывает своё место в будущем и потому изображён как переживающий кризис личности. Не случайно исследователи замечают, что Пильняк пишет о труде не через производственные подробности, а через эмоциональное и мифологическое переживание ломки старого мира.

Постепенно, однако, эта стихия начинает приобретать признаки организованной силы. Но Пильняк видит в этом процессе тревогу и давящее начало. В «Повести непогашенной луны» ритм труда

¹ Пильняк Б. Голый год. — М.: Гиз, 1922.

становится механизмом контроля: «Работали молча. Строили быстро. Спешили». Эти короткие фразы — как удары молота: они создают эффект принуждения и обезличивания. Труд перестаёт быть свободной стихией и превращается в орудие государственного давления.

Современные исследователи подчёркивают, что Пильняк интуитивно уловил нарастающую жёсткость индустриальной дисциплины, которая вскоре была закреплена идеологически. Его рабочий человек — трагическая фигура, он стоит между природной стихией и государственной машиной, и его душевная хрупкость становится одной из главных тем писателя. Труд у Пильняка — не героический подвиг, а трудное, болезненное усилие, часто лишённое романтического ореола. Он показывает ранний этап эволюции, когда образ рабочего ещё не вписан в рамку официального мифа.

Леонид Леонов — другой тип художника. Его интересует не столько стихия, сколько моральные и философские основания труда. В романе «Соть» (1930) он показывает строительство лесоперерабатывающего комбината как грандиозное преобразование природы и человеческих характеров. Труд становится главным способом проверки человека на прочность. Одним из символических высказываний романа можно считать реплику героя: «Работа покажет, кто чего стоит». Эта фраза задаёт нравственную оптику текста: труд — не механическое действие, а процесс внутренней перестройки, который требует ответственности и самоограничения.²

² Леонов Л. Соть. — М.: Гослитиздат, 1930.

Исследователь И. Есин писал, что леоновский герой — это «человек внутреннего сопротивления», и именно труд выявляет границы его характера. В отличие от Пильняка, для которого человек — часть природы, Леонов показывает человека как субъект нравственного выбора. Он может сопротивляться коллективной воле, может сомневаться, спорить, ошибаться — но именно в труде проявляется его способность преодолевать собственные слабости. В этом смысле Леонов формирует особый тип рабочей личности — конфликтной, духовно напряжённой, глубоко драматичной.

В то же время в леоновском изображении труда присутствует мотив отчуждения. Один из героев признаётся: «Иногда думаешь — не работаешь, а служишь какой-то огромной силе, которой не видно конца». Эта фраза передаёт чувство подавляющей мощи индустриального процесса. Леонов не идеализирует коллектив: он показывает, что создание нового мира требует огромного давления, и каждая личность неизбежно сталкивается с испытанием. Поэтому в его произведениях труд — это всегда борьба: не только с природой, но и с самим собой, с коллективом, с исторической необходимостью.

Если у Пильняка рабочий человек трагичен и подвижен, а у Леонова — суров, внутренне собран и нравственно испытан, то Валентин Катаев создаёт совершенно иной, жизнеутверждающий художественный мир. В повести «Время, вперёд!» труд представлен как пространство оптимизма и энергии. Всё произведение построено на динамике ускорения. Автор словно передаёт ритм индустриального строительства через синтаксис: «Бегут, спешат,

торопятся... догнать, перегнать, успеть!» — повторяющиеся глаголы создают ритм машины, которая не знает остановки.³

Катаевский рабочий — фигура будущего. Его главный мотив — стремление вперёд. Он живёт в ощущении исторического подвига, и это чувство заражает весь текст. Советская критика воспринимала творение Катаева как образец социалистического реализма. Л. Авербах писал, что рабочий в повести — «новый герой, объединённый с коллективом идеей великих строек». И действительно, у Катаева коллектив изображён гармоническим, устремлённым к одной цели. Конфликты здесь не разрушительны: они рождают энергию соперничества, которая двигает историю вперёд.⁴

Однако за видимым оптимизмом текста скрыта иная тональность. В одном из эпизодов герой признаётся: «Руки гудят от усталости, но нельзя сбавлять темп». Это краткое признание возвращает читателя к реальности физического перенапряжения, на котором держалось строительство. Катаев не делает боль и усталость главным мотивом, но тонкие отголоски напряжения позволяют понять: героизм эпохи оплачен высокой физической ценой. Если сравнить художественные концепции труда у трёх писателей, становится очевидно, что они отражают три разные стадии культурного переживания эпохи. У Пильняка — это ранняя, хаотическая, трагически окрашенная стадия, когда труд воспринимается через призму стихийной ломки. У Леонова — период становления индустриальной дисциплины, когда труд становится школой нравственного роста и внутренней борьбы. У Катаева — зрелая фаза официального оптимизма, когда

³ Катаев В. Время, вперед! — М.: Художественная литература, 1932. ⁴ Авербах Л. Литература и современность. — М., 1932.

образ рабочего превращается в символ устремлённого вперёд будущего.

Эволюция образа рабочего человека связана и с изменением представления о коллективе. У Пильняка коллектив — это толпа, стихия, не имеющая единой цели. У Леонова — это организованная общность, внутри которой продолжается борьба характеров. У Катаева — коллектив становится не только производственной, но и эмоциональной общностью, объединённой единой волей. Таким образом, движение от хаоса к гармонии отражает реальную трансформацию эпохи, но и художественное стремление писателей найти в труде не только биографическую, но и философскую опору.

Важно отметить, что труд в прозе 1920–1930-х годов — это не только социальная необходимость, но и форма художественного мифотворчества. Литература вырабатывала новые модели поведения и новые типы личности, которые должны были стать носителями будущего. Рабочий превращался в знаковую фигуру культуры. Он становился мерой ценности, носителем смысла, человеком будущего. Но при этом каждый писатель показывал — этот образ не статичен, он рождается из конфликтов, боли, усилий, сомнений.

В текстах Пильняка, Леонова и Катаева можно увидеть, как слово пытается сохранить человеческую сложность личности в эпоху, когда государственная идеология стремилась создать идеальный тип героя. Пильняк фиксирует хрупкость человека перед стихийной историей, Леонов — борьбу характера с давлением времени, Катаев — энтузиазм, который должен скрывать напряжение и усталость. Поэтому их произведения — не просто отражение эпохи, но и

попытка сохранить человеческое измерение в мире, который требовал от человека абсолютной отдачи.

Сегодня, рассматривая литературу 1920–1930-х годов, мы ясно видим, что художественная концепция труда была не монотонной, а глубоко конфликтной. Именно поэтому тексты Пильняка, Леонова и Катаева так важны: они позволяют увидеть, как литература фиксировала не только официальные нормы, но и скрытые тени эпохи. Через их произведения можно проследить, как менялась человеческая чувствительность, как человек искал себя между хаосом и дисциплиной, между стихийностью и планом, между трагедией и идеологическим оптимизмом.

В конечном счёте, эволюция образа рабочего человека в прозе 1920–1930х годов — это история о том, как литература пыталась осмыслить новый тип человеческого существования. Рабочий становился не просто участником производства, но героем, чья жизнь должна была воплотить мечту о будущем. Но эта мечта никогда не была прямой: она рождалась в борьбе человека со своей слабостью, с давлением времени, с противоречиями истории. И именно благодаря таким писателям, как Пильняк, Леонов и Катаев, литературная картина труда получилась многоцветной, противоречивой и по-настоящему живой.

Список использованной литературы:

1. Авербах Л. Литература и современность. — М., 1932.
2. Есин И. А. Художественный мир Л. Леонова. — М.: Наука, 1980.
3. Геллер Л. Поэтика Пильняка. — Париж, 1983.

4. Катаев В. Время, вперёд! — М.: Художественная литература, 1932.
5. Леонов Л. Соть. — М.: Гослитиздат, 1930.
6. Пильняк Б. Голый год. — М.: Гиз, 1922.